

Шедяков В.Е.доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент,
независимый исследователь**МЯГКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НЕСИСТЕМНОЙ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТЬЮ**

В контексте развёртывания исторического процесса анализируются черты трансформаций несистемной социокультурной целостности. Существо трансформирования среды социокультурной целостности определяемое, по мнению автора, в первую очередь, созданием и распространением ценностных характеристик, непосредственно связано с полноценностью мышления, развёртыванием его всеобщих форм, реализацией в социокультурной жизни пластов идеального. Мягкое управление социокультурной целостностью, как на индивидуальном, так и на социальном уровне рассматривается как более органичное при опоре на сложившиеся ценностно-смысловые комплексы. Информационные вирусы характеризуются как вариант информационного воздействия, формирующий при этом точки кристаллизации настроений и моделей мировосприятия. Показывается, что осуществляются трансформации от социально-экономической доминанты к социокультурным ризомам, от оптимальности конкретного пути и единого образца к активному поиску комплексной специализации, базирующейся на отличиях восприятия и хозяйствования. Среди особенностей овладения ресурсно-методологическими базами мягкого управления специальное внимание уделяется переходу к умению заинтересовать, командной (партнёрской и состязательной) деятельности, комплексной специализации.

Ключевые слова: социокультурная целостность, трансформации, мягкое управление.

У контексті розгортання історичного процесу аналізуються риси трансформацій несистемної соціокультурної цілісності. Сутність трансформування середовища соціокультурної цілісності, що визначається, на думку автора, в першу чергу, створенням і розповсюдженням ціннісних характеристик, безпосередньо пов'язано з повноцінністю мислення, розгортанням його загальних форм, реалізацією в соціокультурному житті пластів ідеального. М'яке управління соціокультурної цілісності як на індивідуальному, так і на соціальному рівні розглядається як більш органічне при опорі на сформовані ціннісно-сміслові комплекси. Інформаційні віруси характеризуються як варіант інформаційного впливу, який формує при цьому точки кристалізації настроїв і моделей світосприйняття. Показується, що здійснюються трансформації від соціально-економічної домінанти до соціокультурних різом, від оптимальності конкретного шляху і єдиного прикладу до активного пошуку комплексної спеціалізації, що базується на відмінностях сприйняття і господарювання. Серед особливостей оволодіння ресурсно-методологічними базами м'якого управління спеціальну увагу приділяється переходу до вміння зацікавити, командної (партнерської і змагальної) діяльності, комплексної спеціалізації.

Ключові слова: соціокультурна цілісність, трансформації, м'яке управління.

Постановка проблеми. Экономическое управление осуществляется в мире, где нарастает значение иных измерений общественной жизни. Изменение качеств общественной среды: в частности, движение к характеристикам социокультурной целостности, – выдвигает новые требования к управлению (в т.ч. в экономической сфере жизнедеятельности). Так, теперь оно подтверждает своё качество эффективного при умении опереться на имеющиеся ценностные предпочтения и воспринимать плюральность подходов как неотъемлемую черту вовлечения в сотворчество, развития и раскрытия дарований.

Анализ публикаций. Основоположники кибернетики второго порядка: Р. Акофф, Л. Арноф, Л. Берталанфи, П. Вейс, Д. Мако,

М. Месарович, Г. Паск, И. Такахара, Х. Фёрстер, П. Чекланд, У. Чёрчмен, Ф. Эмери, У.Э. Эшби, Э. Янч – создали предпосылки для решения практико-теоретических задач с самоуправляемыми структурами в слабоструктурированной динамичной среде. Исследователи подходов: В. Арнольд, С.А. Амплби, Ф. Варела, Э. Глазерсфельд, Д. Леонтьев, Р. Лепа, В. Лефевр, Я. Мак-Дермонт, У.Р. Матурана, Дж. О'Коннор, С. Пирогов, В. Скурихин, Т. Теслер, Г. Хакен и др. – продемонстрировали эффективность их применения в постсовременных условиях. А. Авилов, В. Афанасьева, Н. Анисимов, Ю. Баринов, З. Бауман, У. Бек, Д. Бойд, И. Валлерстайн, А. Венделин, Дж. Гвишиани, Э. Гидденс, В. Голиков, Л. Гумилёв, М. Гусельцева, Ю. Давыдов, А. Денисов, Ж. Деррида, А. Зуб, М. Игнатъев,

И. Ильин, Д. Канеман, Л. Карпов, М. Кафель, В. Косолапов, И. Котляров, А. Кочеткова, Е. Князева, С. Кравченко, О. Ларичев, М. Локтионов, Н. Луман, Э. Люттвак, И. Моисеева, О. Моргенштерн, Г. Оверстрит, Дж. Най, Дж. Нейман, В. Пилипенко, К. Поппер А. Пригожин, Е. Старосьцяк, Н. Стефанов, Ю. Тихомиров, Ж. Тощенко, Д. Уайлд, Б. Украинцев, А. и М. Уилсоны, Р. Уотермен, Ж. Фреско, Г. Фрон, Ф.А. Хайек, Н. Чернина, Дж. Шарп, И. Шмерлина, Г. и П. Щедровицкие, В. Юдин, С. Янг и проч. – изучили соответствующие изменения социальной среды, продуктивность и границы воздействий в ней и на неё.

Формулировка исследовательской задачи.

В этой ситуации **цель** статьи – характеристика социально-экономических трансформаций социокультурной целостности как объекта применения технологий мягкого управления.

Изложение основного материала исследования. Качество общественной среды, сознательная гражданская позиция способствуют укреплению социального иммунитета социокультурной целостности. Как известно, разрыв одной из системных связей, может либо пройти незамеченным, если система имеет достаточную инерцию саморазвития, чтобы компенсировать ставшую инвалидной связь – или же сколь-нибудь значимо повлиять на характер причинно-следственных связей, если целостность пребывает в неустойчивом положении. Возможности развёртывания исторического процесса при этом включают процессы прогнозируемые и непрогнозируемые, стихийные и целенаправленные, уникальные и закономерные, неуправляемые, самоуправляемые и управляемые, циклично-волнообразные и необратимо-поступательные (как прогрессивные, так и регрессивные). Осознание процессов развития осуществляется в разных терминах соответственно изменению эпох. То, что при моделировании на плоскости предстаёт волнообразным движением, в объёмной представленности порой оказывается раскручивающейся (или, напротив, сужающейся – существенно качество обратных связей) спиралью. Признаки контрмодерна в общественной жизни, соскальзывание в сценарии которого дополнительно провоцируется незавершённостью Высокого Модерна и неорганичностью преобразований, обнаруживают риски неоархаики и разрушением потенциала состояния гомеостаза как равновесия с природой и друг с другом. Разумеется, в различных общественных процессах можно отыскать и элементы деградации в чём-либо – главное, чтобы не они стали доминирующими, определяющими.

При отходе социокультурной целостности от равновесия, с преодолением порога устойчи-

вости, она оказывается в хаотической области с множеством точек бифуркации и сильными последствиями для выбора аттрактора слабых случайных флуктуаций; «когда нагрузка превосходит некоторое критическое значение, прямое положение становится неустойчивым и появляются два новых ... положения равновесия. Вопрос о том, какое из этих двух положений вступит стержень, не может быть решен в рамках чисто детерминистской теории (если не предполагается асимметрия). В реальной ситуации эволюция системы определяется как детерминированными, так и случайными факторами («силами») ... «случайностью и необходимостью [1, с. 35; см., также, 2-4]. Это означает развитие структуры через неустойчивость в режиме «обострения», то есть сверхбыстрого (асимптотического) нарастания процессов на основе нелинейной положительной обратной связи. Обнаруживается, что «неизбежный распад сложных быстроразвивающихся структур – одна из закономерностей мироустройства», но и сами «блуждания по полю путей развития ... не какие угодно, а в рамках вполне определённого... поля возможностей»[5, с. 16, 20].

Существо трансформирования среды социокультурной целостности определяется созданием и распространением ценностных характеристик непосредственно связано с полноценностью мышления, развёртыванием его всеобщих форм, реализацией в социокультурной жизни пластов идеального. Соответственно, в обществе осуществляются процессы репродукции и продуцирования. Сотворчество составляет как основной двигатель исторического процесса, так и способ (само)осуществления человека. Противоречие родовых сил развёртывается в социальные конфликты, вызывая варианты сублимации. Если внутренняя характеристика сил – их рационально-эмоциональная определённость, то внешняя – единство вещественного содержания, форм вещественных и общественных. Вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты при создании: как в божественном уподоблении при продуцировании / творчестве смыслов, так и животном – при биологическом репродукции / размножении. Звериное начало искушают сытостью. Человеческое – справедливостью в обеспечении реализации идеалов свободы, равенства и братства. И путь социально-экономических реформ – направление укрепления собственно человеческого начала в обществе, соответственно – очеловечивания общественной жизни, гуманизации социально-политических и социально-экономических отношений. Отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности

сотворчества определяют прогресс страны, а новые горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала каждого. Материальные и духовные культурно значимые пространственно-временные формы вещей, общественных контактов и процессов создают социально-экономический порядок, имеющий внутренние и внешние очертания [6-12]. Решающее значение приобретает исторический подход, всесторонний анализ данного социального явления, его составляющих и условий его существования. Человек, общество, хозяйство – феномены органические, а не механические. Их нельзя описывать исключительно в терминах материальных интересов и эгоистического выбора, а этнос часто выступает как самостоятельная недробимая историческая величина с собственными задачами, волей, привычками. При этом культурно-цивилизационный мир принципиально един, но это единство различного. Социальные системы и несистемные целостности выступают как диалектическое многообразие качественно отличных друг от друга взаимосвязанных образований. Существование же различных подсистем социального мира предполагает, с одной стороны, возможность их обособления, а с другой, – появление идеальных реакций у части этих подсистем.

Достижение органичной комплексности усилий без подавления интересов не имеющих антиобщественного разрушительного (и саморазрушающего) характера опухолевых клеток, обеспечение соборности социокультурного движения на основе базовых ценностно-смысловых комплексов требует подключения региональных источников восприятия и активности. Между тем, представления о справедливости, имеющие специфические психоментальные основания и воплощения в разных культурно-цивилизационного мирах, сливаются с тиражируемыми СМИ стандартами жизни и навязываемыми поведенческими и потребительскими стереотипами, формируя качество социальной ткани и общественных отношений. Именно ценностно-смысловые комплексы: мировоззренческие и инструментальные, общественные и индивидуальные – отражаются на восприятие сущего и воплощаются в понятии должного, предрасполагая к определённым чертам веры, диалекта, обычаев и привычек. Соответственно, мягкое управление социокультурной целостностью как на индивидуальном, так и на социальном уровне происходит органичнее при опоре на сложившиеся ценностно-смысловые комплексы. Часто рационализм в хозяйствовании

лишь легализует решения, принятые на основе иррациональных мотивов.

Информационные вирусы как вариант информационного воздействия формируют точки кристаллизации настроений и моделей мировосприятия. Осуществление и позитивных, и негативных мутаций общественного организма может позволить трансформировать диапазон допустимого в рамках сложившегося общественного уклада. В частности, механизмом этого могут стать мнимые общественные величины, ложные социально-экономические ценности / стоимости, иррационально-превращённые формы субъект-субъектных отношений. Особенно богат возможностями как внутренних флуктуаций, так и внешних влияний переходный период. В том числе крайне серьёзные перспективы трансформаций в точке бифуркации при межпарадигмальном переходе. Вместе с тем, как программирование будущих социально-экономических процессов, так и управление тенденциями нынешней хозяйственной жизни ресурсами общественного стратегического дизайна коррелирует с особенностями постсовременности как среды моделей и практик формирования чернового наброска будущего, создания его замысла и выявления намерения, наиболее обострённо проявляясь именно в период форсированных трансформаций. Человечество входит в период гораздо более радикальных перемен, нежели привычные. Ныне осуществляются изменения не только отдельных социальных институтов, но и самих моделей жизнедеятельности и развития, культурной среды, отношений и структур. Существо же происходящего парадигмального перехода связано с перерастанием стадийного (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Так, в частности, основными чертами, определяющими диапазон как наметившихся стратегических трансформаций, так и воздействия на них, становится переход:

- от экономики простого труда к экономике уникального творчества;
- от экзогенного количественного роста к эндогенному качественному развитию;
- от доминанты материального к духовно-нравственному и интеллектуальному;
- от формационного к неформационному;
- от обмена на основе сравнения товаров к обмену на базе сопоставления способностей;
- от дихотомии демократии / автократии к меритократии;
- от концептуальной открытости к признанию права на самоценность и обособленности культурно-цивилизационных миров;

- от космополитизма / национализма к регионализму и стратегическому партнёрству;
- от навязывания единства шаблонов глобализма к постглобальному разнообразию.

Ныне осуществляются изменения не только отдельных социальных институтов, но и самих моделей жизнедеятельности и развития, культурной среды, отношений и структур. При этом значимым фактором участия и культурно-цивилизационного мира, и конкретного предприятия в развитии общественного климата становится трансформация маркетинговой стратегии («реализуй то, что произведено» – «производи то, что нужно рынку» – «производи то, что требует рынок, делая это лучше, чем конкуренты» – «производи то, что требуют конкретные рыночные сегменты» – «производи то, что нужно конкретному потребителю») и увеличение диапазона средств воздействия на состояние и тенденции изменения потребителя, прежде всего, неценовыми факторами конкуренции (за счет брендинга, формирование моды и т.д.). Повышение как интенсивности международных коммуникаций, так и степени взаимозависимости происходит при сложном переплетении тенденций к социализации и индивидуализации воспроизводственных процессов общества [13-16]. Радикальный характер и размах трансформаций очевидны. Речь идёт уже отнюдь не только о политических условиях реализации свободы, но и о значительно более глобальных её перспективах, связанных с доминантой терпимости и многоукладности. В частности, мигранты, безработица, терроризм стали важнейшим фактором внутренней жизни культурно-цивилизационных миров, влияя на состояние корзины прав и свобод человека. Между тем, когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единственной культуры, стереотипной науки, тогда необходимо признавать право на существование непохожего, особенного и необычного. Ойкумена уже не будет прежней, включив в своё состояние и прошлое, и настоящее. При этом, как показали разноуровневые выборы 2016-2018 гг. в ряде стран, так и не сумевшие выдвинуть и внятно артикулировать ответы на определяющие мировые вызовы традиционные идеологические партии с водоразделом на «правых» и «левых» уступают место менее структурированному противоречию глобалистов и антиглобалистов, истеблишмента и народов.

Очевидно, преобразование возможностей в качественный результат как вариант задач на «минимум» проявляет кардинальную зависимость от умения распорядиться новыми ресурсно-методологическими базами эпохи.

Характерно, что уже сейчас в конкурентной борьбе и страны, и фирмы ориентируются не только на качество научно-промышленного потенциала и технологические инновации, но и на религиозные, национальные, культурные традиции, используя их для повышения продуктивности своих производственных потенциалов, обеспечения социально-экономического развития и политической стабильности. Весомыми факторами поддержки качества социокультурной целостности становятся, с одной стороны, СМИ, Интернет, социальные сети, с другой, – самодеятельный общественный контроль и независимость судебной ветви власти. Осуществляются трансформации от социально-экономической доминанты к социокультурным ризомам, от оптимальности конкретного пути и образца к активному поиску комплексной специализации, базирующейся на отличиях восприятия и хозяйствования. И в первую очередь, изменение ресурсно-методологических баз при переносе акцентов на мягкое управление постмодерна предполагает для вовлечения в творчество движение от директивно-приказного административного принуждения к воздействию заинтересованностью, от эгоцентризма к командной (партнёрской и соотязательной) игре, комплексной специализации.

Постмодерн не навязывает свой подход, а принимает реализующиеся модели такими, какие они есть в результате саморазвития. Новая парадигма – это возможность свободы (хоть не всегда – способность к свободе, отсюда, например, и опасность тотальной маргинализации общества). Переход к основаниям свободы есть одновременно и отказ от единственности базиса, и утверждение всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Исчезает понятие периферийной культуры: все – равноценны и равноправны (пока не пытаются диктовать и навязывать свои правила иным). Гуманность, человечность признается выше всех и любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с собственной моделью, а не отставание на общей дороге, то как относиться к люмпенам, маргиналам (людям, регионам и странам)? Меняются правила – необходимо развиваться управленческим умениям и навыкам. При этом изучение и сравнительные характеристики институциональных основ и ценностной организации разных типов хозяйственных систем, альтернативных целей функционирования реально существующих форм организации дают возможность преодолеть грубый производствен-

ный детерминизм и трактовки процессов хозяйствования исключительно с позиций выгоды и прибыли и перейти к анализу на основе целого ряда историко-правовых, национально-психологических, морально-культурных традиций, персонального и коллективного выбора.

Стратегический дизайн этого парадигмального перехода акцентирует интеллектуальную составляющую жизнедеятельности. По нашему мнению, многие ошибки в стратегии и тактике перемен в Евразии связаны с концепцией реформ, под которой «правые» радикалы зачастую подразумевают буквальное следование «западному» канону, «левые» обновление прежних отношений. И те, и другие верят в возможность планомерной реализации заранее просчитанного и преимущественно хозяйственного, экономического проекта. Но длительный и многосторонний характер преобразований, спонтанность многих событий и разнородность процессов ориентируют скорее на философию постсовременной модернизации, то есть постмодернизации.

Выводы из проведенного исследования. Таким образом, переход к постсовременным ресурсно-методологическим базам и моделям стратегического управленческого дизайна, связанного с усилением давления роли анклавов «умного общества», объективно наращивает

основания общественной востребованности мягкого управления. Уже «информационный взрыв» воздействует на соотношение возможностей и факторов осуществления управления, реактуализируя как творческие (прежде всего, научно-интеллектуальные) возможности культурно-цивилизационных миров, так и устойчивость их базовых ценностно-смысловых комплексов, а также умение ими распорядиться, их защитить, активизировать и нарастить, в частности – посредством социокультурных полей. Одновременно само человечество превратилось в фактор, соизмеримый с мощью природных стихий.

Впрочем, при сдвигах парадигмального уровня трансформируются и характер общежития, и структура переходного периода. Затянувшиеся постсоветские преобразования, с одной стороны, позволяют как «постистория» субъект-субъектных отношений оценить возможности и риски различных комбинаций и путей развития, но, с другой, – требуются кардинальные изменения как в стратегии, так и в тактике трансформаций, в частности, в направлениях освоения арсенала средств заинтересовывать, учитывать правила командной (партнерской и состязательной) деятельности, находить ниши комплексной специализации.

Список использованных источников:

1. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1980. 405 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.
3. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремлённых системах. М.: Сов. радио, 1974. 272 с.
4. Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции. М.: Мир, 1991. 455 с.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение : диалог с И. Пригожиным. *Вопр. философии*. 1992. № 12. С. 3–20.
6. Арнольд В.И. Теория катастроф. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1990. 128 с.
7. Jantsch E. *The Self-organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution*. N.Y., Oxford: Pergamum, 1980. 343 p.
8. Шедяков В.Е. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира. *Гілея*. 2013. № 76. С. 190–194.
9. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях // *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine / Maria Curie-Skłodowska University*. Lublin: Baltija Publishing, 2017. P. 282–307.
10. Шедяков В.Е. Соціальна творчість та інноваційність стратегічного управління. *Політичний менеджмент*. 2013. № 1-2 (57-58). С. 42–51.
11. Шедяков В.Е. Ціннісно-сміслові комплекси: з минулого в майбутнє, від культури традиційної до постмодерної. *Економіст*. 2014. № 8 (334). С. 4–5.
12. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО-У, 2007. 264 с.
13. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М.: Прогресс, 1976. 247 с.
14. Социальные отношения: познание и совершенствование / Н.Н. Мокляк, В.Ю. Барков и др.; отв. ред. Н.Н. Мокляк. К.: Наук. думка, 1990. 232 с.
15. Суїменко Є.І. Соціальна інженерія. К.: ІС НАНУ, 2011. 224 с.
16. Шедяков В.Е. Общественная среда и социальная инженерия. *Habitus*. 2018. № 5. С. 54–59.

Shedyakov V.E.

**SOFT MANAGEMENT OF NON-SYSTEM
SOCIAL-CULTURAL INTEGRITY**

In the context of the development of the historical process, the features of the transformations of non-systemic sociocultural integrity are analysed. The essence of the transformation of the environment of sociocultural integrity is determined, in the opinion of the author, first of all, by the creation and dissemination of value characteristics directly related to the fullness of thinking, the unfolding of its universal forms, and the realization of ideal layers in the socio-cultural life. Soft management of sociocultural integrity, both at the individual and at the social level, is viewed as more organic with reliance on established value-sense complexes. Information viruses are characterized as a variant of information impact, thus forming points of crystallization of moods and models of perception of the world. It is shown that there are transformations from the socio-economic dominant to the socioeconomic rhizomes, from the optimality of the concrete path and the sample to the active search for a complex specialization based on differences in perception and management. Among the peculiarities of mastering the resource-methodological bases of soft management, special attention is paid to the transition to the ability to interest, team (partner and competition) activities, complex specialization.

Key words: sociocultural integrity, transformations, soft management.